

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКАМ ДВИЖУЩИХ СИЛ И СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В 1918—1920 гг.

В. А. Бармин,

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

Статья посвящена сложной и дискуссионной проблеме, связанной с причинами и быстрым развитием басмаческого движения на территории Туркестана в 1918-1920 гг. Изучение проблемы этого движения как социального явления вызывает оживленную научную полемику до настоящего времени. На основе недавно выявленных и впервые представленных источников автор показывает, что причины возникновения и развития басмаческого движения в регионе включают, среди прочего, следующие: непродуманную политику советского руководства в области межэтнических отношений, игнорирование особенностей этноконфессионального характера, оскорбление и попираание обычаев и традиций коренного населения и, наконец, нарушения воинской дисциплины со стороны бойцов и командиров Красной Армии. Именно эти факторы определили, во-первых, массовый характер басмаческого движения и, во-вторых, широкое социальное представительство коренного населения Туркестана в его рядах. В этом контексте представляются несостоятельными утверждения советской историографии о том, что социальная база движения ограничивалась представителями зажиточных слоев, священнослужителями и религиозными фанатиками.

Ключевые слова: басмаческое движение, Советская власть, Туркестан, социальный состав, движущие силы.

В ряду неоднозначных и дискуссионных вопросов истории новейшего времени молодых государств Центральной Азии, получивших свою независимость после распада Советского Союза, наиболее сложными сегодня представляются проблемы басмаческого движения, возникшего почти сразу после прихода к власти в Туркестане правительства большевиков. Хорошо известно, что установление советской власти в этом окраинном регионе бывшей Российской империи произошло вскоре после победы Октябрьской революции в Петрограде. Однако ее дальнейшая деятельность и укрепление проходили в условиях острого противостояния с силами белогвардейцев и многочисленными контрреволюционными организациями. При этом центральную роль в этой борьбе стало играть многоплановое и сложное по своему социальному составу и движущим силам басмаческое движение. Достаточно сказать, что отряды басмачей продолжали действовать на территории советских среднеазиатских республик с разной степенью активности, по меньшей мере, до середины 1930-х годов.

В 1919 году одним из наиболее активных районов развития басмаческого движения в Туркестане стала территория Ферганской долины. Именно здесь возникли и начали активно действовать отряды таких влиятельных курбаши, как: Иргаш, Мадамин-бек, Махаммат-Ходжа, Хал-Ходжа, Муэтдин, Осман-курбаши, Рахманкул, Аман Палван и др. Уже к концу 1918 г. против большевиков воевало около 40 повстанческих отрядов, в которых сражались более 7 тыс. бойцов [9, л. 1]. В этот же период начинают предприниматься попытки консолидации и централизации движения, объединения разрозненных отрядов под единым командованием.

Активную деятельность развернули панисламистская организация «Шура-и-Улема» («Совет духовенства») и пантюркистская «Иттихад ва араки («Единение и прогресс»). Они поднимали население на борьбу под флагом «защиты ислама», «туркестанской автономии», подстрекали к вступлению в отряды «борцов за ислам» Иргаша, Мадамин-бека и других курбаши. Эта деятельность удачно ложилась на радикальные, непродуманные хозяйственные и политические реформы новой власти: запрет торговли на базарах, монополизация и конфискация хлопка, разрушение привычного уклада жизни. Серьезную роль в росте басмаческого движения играл религиозный фанатизм коренного населения края. Между тем, антирелигиозная пропаганда, развернутая новой властью, велась в грубых, оскорбительных для мусульман тонах и формах. В результате «Со всех сторон к нему (Иргашу — В. Б.) стекались люди, которые становились басмачами» [3, с. 423].

В начале 1919 г. сформировался крупный отряд басмачей под командованием бывшего начальника милиции Старого Маргелана Мадамин-бека (Мухаммад Амин Ахмед-бек). Уже к середине года этот курбаши сумел объединить под своим командованием большую часть басмаческих отрядов, действовавших в Фергане.

Активное воздействие на расширение и активизацию басмаческого движения в Туркестане оказывали через свои дипломатические и разведывательные службы правящие круги сопредельных государств: Турции, Афганистана, Китая, — а также США, Англии, Франции и некоторых других стран. Они обеспечивали главарей басмачества оружием, боеприпасами, военным снаряжением, деньгами, посылали к ним советников. Тесно взаимодейство-

вали с басмачами руководители белогвардейского движения [1; 2; 4; 13; 14]. Так, например, атаман Оренбургского белого казачества А. И. Дутов направил Иргашу личное послание. В нем курбаши именовался «доблестным вождем славных ферганских джигитов». Он произвел Иргаша в сотники и призвал «Аллаха и великого пророка его Магомета» на помощь «верному хранителю интересов России в Фергане» [1, с. 31].

Борьбу с басмачеством для советского руководства Туркестана серьезно осложняло то, что с декабря 1917 г. по сентябрь 1919 г. он был фактически отрезан от центральной части России фронтами Гражданской войны. Захватив Оренбург, атаман Дутов блокировал связь Ташкента с Москвой. Советское правительство из-за военных действий с белогвардейскими войсками было лишено возможности оказать Ташкенту какую-либо помощь. В это же время в ходе Асхабадского мятежа 1918 г. образовалось контрреволюционное Закаспийское временное правительство, опиравшееся на английскую интервенцию в Средней Азии. В результате возник Закаспийский фронт. Осложнились отношения с соседними Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. В сложившихся условиях возникли отряды басмачей в Закаспийской области, где во главе движения встали Ходжа Кули Нияз Кулиев, Рахман Ниязов, и в Самаркандской области, где их возглавили курбаши Очилбек, Бахрамбек и др.

Советские власти попытались решить проблему басмачества, используя традиционные способы борьбы с партизанским движением: брали заложников, уничтожали целые селения. В 1922 году председатель Совнаркома Туркестана К. Атабаев, анализируя ход борьбы с басмачеством, заявлял следующее: «...Мы думали одно время ликвидировать басмачество огнем и мечом. В этих целях более или менее крупные кишлаки, «пораженные басмачеством», уничтожались беспощадно, вследствие чего население уходило от советской власти все дальше и дальше. Не помогла нам и общая оккупация всей Ферганы. В одно время в Фергану было переброшено до 30 тысяч войск, и все крупные кишлаки были заняты гарнизонами из красноармейцев. Население оставалось враждебным к нам, басмачи легко справлялись с нашими гарнизонами, и мы, наконец, вынуждены были убрать войска из кишлаков» [7, с. 83—84]. Таким образом, усиление репрессий только ожесточало население и увеличивало количество басмачей, которые с оружием в руках включались в борьбу с большевиками.

В этом контексте несомненный интерес представляет вопрос о социальной базе басмаческого движения. Эта проблема, как видно из источников, волновала и руководителей советского Туркестана. Так, М. В. Фрунзе, характеризуя основное ядро басмачества, в записке В. И. Ленину писал в мае 1920 г., что «В их рядах находятся те, кто привык к грабёжам и насилиям, привык за счет беспощадно обижаемого населения строить праздную и привольную жизнь, кто, опираясь на собравшиеся под их знаменем шайки, мечтали стать властителями края, новыми ханами» [8, с. 308]. Командующий Туркестанским фронтом выразил, по сути, общую

точку зрения партийных и советских деятелей относительно социального состава басмачества. Однако реальное положение вещей явно противоречило этим заключениям. Действительно, многие вожди басмаческого движения имели уголовное прошлое. Они руководили бандами еще до революции и хорошо знали тактику партизанских действий. Через каторгу и тюрьмы за свои преступления прошли: Иргаш, Мадамин-бек, Махам-Ходжа, Хал-Ходжа Ходжаев и ряд других. Но в этом смысле их биографии мало чем отличались, например, от биографии знаменитого красного комбрига Г. И. Котовского. В то же время большая часть отрядов возглавлялась, как правило, местными племенными и родовыми вождями (курбаши), которые до начала движения не имели проблем с законом.

Роль идеологов чаще всего выполняли муллы, так как басмаческое движение развивалось под зелеными знаменами ислама. В целом же, басмачество как явление социальное представляло форму открытого силового протеста местного населения против действий новых властей, приступивших, как отмечалось выше, к грубой ломке обычаев, культурных и национальных устоев коренных народов Туркестана, а также конфессиональных обрядов и традиций мусульман. Острое неприятие людей порождали такие меры «военного коммунизма», как: продразверстка, запрет базаров и свободной хлебной торговли. Эти факторы определили массовый характер басмаческого движения. Факты свидетельствуют, что основная часть бойцов отрядов басмачей была представлена дехканами, в массе своей абсолютно неграмотными, в религиозном отношении фанатиками, слепо идущими за своими родовыми вождями и муллами. Отдел военного контроля Главного штаба войск Туркестанской республики сообщал командованию, что «Туземное население присоединяется к Мадамин-беку, и все его распоряжения выполняются охотно. ...Если бы хватило у Мадамин-бека оружия, то все туземное население, живущее в кишлаках, как один взялись бы за него и пошли бы вместе с Мадамин-беком» [12, л. 76]. Надо полагать, что, учитывая именно этот фактор, орган ЦК КПТ и ЦИК Советского Туркестана газета «Известия» в передовице от 19 мая 1922 г., посвященной борьбе с басмачеством, подчеркивала: «Становится совершенно ясным, что только красноармейскими силами басмачество подавить нельзя» [11, л. 5об].

Помимо представителей коренных народов Туркестана в рядах протестного движения против Советской власти довольно широко были представлены русские переселенцы и различные социальные слои и группы. Во многих отрядах басмачей воевали русские офицеры, бывшие чиновники царской администрации в Туркестане и семиреченские казаки. Здесь активно действовали различные анти-советские организации и движения, состоявшие в основном из русскоязычного населения. После разгрома той или иной организации из числа последних происходил своеобразный переток оставшихся на свободе участников в отряды басмачей. Так, осенью и зимой 1918—1919 гг. была раскрыта и разгромлена «Туркестанская военная организация» («ТВО»).

Центр этой крупной антисоветской подпольной организации, состоявшей из бывших офицеров царской армии, чиновников и служащих царской администрации и комиссариатов Временного правительства, дислоцировался в Ташкенте, но его филиалы находились во всех крупных городах Туркестана. Имея тесную связь с представителями английской миссии, находившейся с весны 1918 г. в Ташкенте, а также консулом США Роджером Тредуэллом, пользуясь их деньгами и поддержкой, члены организации намеревались свергнуть советскую власть и создать некую «Республику Туркестан». Во главе «ГВО» стояли генерал-лейтенант Л. Л. Кондратович, инженер П. С. Назаров (намечался на пост премьер-министра будущего «правительства Туркестана»), бывший помощник генерал-губернатора Туркестана генерал Е. П. Джунковский, полковник Блаватский и некоторые деятели буржуазно-националистического движения. После раскрытия и разгрома организации, избежавшие ареста участники пополнили отряды басмачей Иргаша, Мадамин-бека и других курбаши.

18—22 января 1919 года в Ташкенте было подавлено так называемое «осиповское восстание». Во главе мятежников стоял военный комиссар Туркестанской Советской Республики, командующий вооруженными силами края, большевик К. П. Осипов. Помимо Осипова, в число руководителей мятежа входили: председатель Совета железнодорожных мастерских Ташкента, бывший туркестанский комиссар внутренних дел В. Агапов и его помощник И. Попов. Опираясь на лозунг «Советы без большевиков!», они сумели привлечь на свою сторону часть солдат ташкентского гарнизона и рабочих некоторых предприятий. Мятеж был поддержан городскими обывателями и жителями ряда окрестных селений, недовольными большевистской программой социального передела, разочарованными экономической разрухой и гражданской войной. В командном составе войск гарнизона было довольно много бывших офицеров царской армии, большинство которых также примкнуло к мятежникам.

После начала мятежа Осипову удалось обманом вызвать в штаб 2-го полка гарнизона большую группу руководителей Республики и города. В результате председатель ЦИК Туркестанского края В. Д. Вотинцев, председатель Совнаркома В. Д. Фигельский, председатель Ташкентского Совета Н. В. Шумилов и другие, всего 14 человек, были предательски схвачены и расстреляны. Однако, вопреки надеждам заговорщиков, большая часть солдат ташкентского гарнизона и рабочих коллективов города отказалась их поддержать и объединилась вокруг «Временного революционного совета», созданного большевиками и левыми эсерами для борьбы с мятежом. В результате, уже 20 января мятеж был в основном подавлен, а Осипов «...Ограбив Государственный банк, бежал из города» [10, л. 3—4]. После провала мятежа Осипов сумел пробраться в Фергану и примкнул к Мадамин-беку, у которого числился не только советником, но и руководил боевыми действиями отдельных отрядов. Так, в донесении андижанского штаба советских войск от 8 апреля 1919 г. сообщалось, что «...Шайка, давшая нам бой у Тода ... была под командованием Осипова...» [5,

с. 473]. Затем Осипов оказался в Бухаре на службе у бухарского эмира. Его дальнейшая судьба достоверно не известна. В рядах басмаческих отрядов оказался и еще целый ряд участников этой авантюры, сумевших избежать ареста.

В конце августа 1919 года в захваченном басмачами Джелал-Абаде состоялся расширенный курултай руководителей басмаческого движения. В нем приняли участие курбаши почти всех крупных отрядов, а также командующий «крестьянской армии» К. И. Монстров и представители ставки адмирала А. В. Колчака. Участники Курултая пытались договориться о координации действий своих отрядов. Следующим шагом в этом направлении стал очередной курултай, проведенный 22 октября 1919 г. в пограничном селении Иркештам, на Памире. Здесь лидеры басмаческого движения и «крестьянской армии» сформировали Ферганское Временное автономное правительство во главе с Мадамин-беком. В его состав вошли 24 человека, в том числе *16 мусульман и 8 русских* (курсив мой — Б. В.). Мадамин-бек был избран также главнокомандующим. Под эгидой этого правительства отряды Мадамин-бека объединились с отрядами Иргаш-курбаши, большей части ферганских полевых командиров и «крестьянской армией» [6, с. 287].

Саму «крестьянскую армию» Монстрова, сформированную из русских крестьян-переселенцев, едва ли можно определять как составную часть басмаческого движения, но со всей очевидностью можно говорить о ней как об элементе общего протестного движения населения Туркестана против большевистских властей.

«Крестьянская армия» была создана по решению правительства Туркестана в ноябре 1918 г., когда Мадамин-бек совершил налеты на русские поселки: Благовещенское и Спасское. Кровавые рейды басмачей вызвали стихийное движение крестьянской самообороны. Командование красноармейских частей выделило крестьянам оружие, положив этим начало организации «крестьянской армии». Ее задачей была защита русских селений от нападения басмачей. Подчиняясь командующему Ферганским фронтом, получая от него вооружение и боеприпасы, «крестьянская армия» вместе с тем пользовалась значительной автономией [3, с. 426]. Командующим армией был назначен К. И. Монстров, бывший конторский служащий, владелец крупного земельного участка в Фергане.

Однако с введением на территории Туркестана экономической политики «военного коммунизма», затронувшей непосредственные интересы крестьянства, население русских поселков стало проявлять недовольство существующими порядками. В результате, «Крестьянская армия» начала быстро превращаться во враждебную советской власти силу. Отряды этой «армии» стали притеснять и грабить коренное население, усиливая недовольство дехкан, которые отождествляли ее с Красной армией [3, с. 426]. Ситуацию обострило то, что в это же время советские власти, наряду с введением хлебной монополии и продовольственной диктатурой, начали отбирать землю русских переселенцев в пользу местных жителей. Воспользовавшись сложившейся

ситуацией, К. И. Монстров поднял восстание против большевиков. Именно в этих условиях, в ходе совещания в Джелал-Абаде 1 сентября 1919 г., Мадаминбек и К. И. Монстров подписали договор об объединении своих сил и совместных действиях.

Таким образом, уже со второй половины 1918 года протестное движение против советской власти в Туркестане стало объединять в своих рядах представителей самых разных социальных групп и народов. Движущими силами этого движения стали широкие массы населения региона в прямом смысле этого слова. Один из руководителей «Туркестанской военной организации» генерал Е. П. Джунковский в докладе командующему белогвардейской добровольческой армией генералу Деникину от 17 октября 1918 г. о подготовке контрреволюционного мятежа в Закаспии, касаясь этого вопроса, подчеркивал, что: «В числе врагов Советской власти можно было встретить и русского, и сарта, и туркмена, и рабочего, и офицера» [5, с. 341].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918—1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».

Литература и источники

1. Алескеров, Ю. Н. *Интервенция и Гражданская война в Средней Азии* / Ю. Н. Алескеров. — Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. — 234 с.

БАРМИН Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский педагогический университет (г. Барнаул, Российская Федерация). E-mail: valbarmin@mail.ru

Поступила в редакцию 3 декабря 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh190102

ON NEW APPROACHES TO THE ESTIMATES OF THE MOTIVATION AND SOCIAL BASE OF THE BASMACH MOVEMENT IN TURKESTAN IN 1918–1920

V. A. Barmin, valbarmin@mail.ru,
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

The article is devoted to a complex and controversial issue related to the causes and the rapid development of the Basmach movement in the territory of Turkestan in 1918–1920. The study of the problem of this movement as a social phenomenon causes a lively scientific debate to the present. Based on recently identified and first submitted sources, the author shows that the reasons for the emergence and development of the Basmach movement in the region include, among others, the following: the ill-conceived policy of the Soviet leadership in inter-ethnic relations, ignoring the peculiarities of ethno-confessional nature, insulting and violating the customs and traditions of the indigenous population and, finally, violations of military discipline by the fighters and commanders of the Red Army. It was these factors that determined, firstly, the mass character of the Basmach movement and, secondly, the wide social representation of the indigenous population of Turkestan in its ranks. In this context, the claims of Soviet historiography that the social base of the movement was limited to members of the prosperous layers, clergy and religious fanatics seem groundless.

Keywords: Basmach movement, Soviet power, Turkestan, social structure, motivations.

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 17-81-01007 «Socio-political processes in the Steppe Territory and Turkestan during the Civil War (1918—1922) and their reflection in the historical memory of the population of the post-Soviet states of Central Asia.»

References

1. Aleskerov Yu. N. Intervention and the Civil War in Central Asia [Text] — Tashkent: State Publishing House of the UzSSR. — 1959. — 234 p.
2. Babakhodzhayev A. The Failure of English Politics in Central Asia and the Middle East (1918-1920) [Text] — M.: Acad. Sciences UzSSR, — 1955. — 163 p.
3. Golinkov D.L. The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR (1917-1925) [Text] — M.: Politizdat, — 1975. — 703 p.
4. Zevelev A.I. Polyakov Y.A., Shishkina L.V. The Basmach: the truth of history and fabrications of falsifiers [Text] — M.: Think, — 1968. — 253, [2] p.;
5. From the history of the civil war in the USSR. Documents and materials. Foreign military intervention and civil war in Central Asia and Kazakhstan, in 2 volumes. Vol. 1. (May 1918 — September 1919) [Text] — Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. — 1963. — 685 p.
6. Lysenko Yu. A., Barmin V.A., Anisimova I.V. et al. Ethnopolitical processes in Central Asian outskirts of Russia in the period of the revolution of 1917 [Text] — Barnaul: Publishing house Alt. state un-ta, — 2017. — 384 p.
7. Mikhailov V.F. Chronicle of the Great Jute // Yunost. 1990. № 1.
8. M. Frunze on the fronts of the Civil War. Vol. of documents / Centre. archive Cr. Army. — M.: Military service, — 1941. — 472 p.
9. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 71. Ser. 34. S. 1480.
10. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 71. Ser. 34. S. 1503.
11. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 71. Ser. 34. S. 1530.
12. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 71. Ser. 34. S. 1585.
13. Timashkov S.P. The Fight Against the Invaders, the White Guards and the Basmachis in Central Asia [Text] — M.: VAF, Department of History of war, — 1941. — 132 p.
14. Heyfets A.N. Soviet Russia and Neighboring Countries of the East during the Civil War (1918-1920). — M.: The science. — 1964. — 471 p.

Received December 3, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Бармин, В. А. О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918—1920 гг. / В. А. Бармин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 1. — С. 12—16. DOI: 10.14529/ssh190102

FOR CITATION

Barmin V. A. On new approaches to the estimates of the motivation and social base of the basmach movement in Turkestan in 1918–1920. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 12—16. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190102